

Г.О. Квитка-Основьяненко

Пан Халявский

В двух частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К32

К32 **Квитка-Основьяненко Г.Ф.**
Пан Халявский: В двух частях / Г.О. Квитка-Основьяненко – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 388 с.

ISBN 978-5-517-98811-9

ISBN 978-5-517-98811-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

и плошки? Была бы кухня исправна, найдутся усердные поздравители, и нажелають столько, что и на два вѣка вдоволь. Такъ куда!...

Объ образованіи и говорить нечего. Взгляните на всѣхъ нашихъ панничей, пріѣзжающихъ на вакаціи изъ университета: тотъ ли образъ и подобіе у нихъ, какой былъ у насъ, отцовъ ихъ? Гдѣ—косы, гдѣ плетешки, гдѣ выстриженный и взерошенный вержень?—Измѣнилось, измѣнилось образованіе!

Вкусъ также потерянь. Гдѣ прежнія водки — красная мастихинная, кардамонная съ золотомъ, инбирная коричневая, зеленая? Еще только внесуть этотъ судокъ съ шестью карафинами—и называвшійся прилично: кабачокъ — такъ по комнатамъ пойдетъ аромать, истинно аромать, какъ теперь обоняю. А когда станешь пить, то, право слово,—наслажденіе! Одной выпьешь, уже на другую позываетъ. Да выпивши, устъ не разведешь, такъ и слипнутся. А теперь? Хотя бы и у нашего предводителя, что это за водка? Совсѣмъ отличнаго колера, не прежняго вкуса. О винахъ говорить нечего. Хороши, канальскія, — да все уже не тотъ, не прежній вкусъ, которымъ мы наслаждались, пивши наши наливки!—Нѣтъ, именно, измѣнился вкусъ!

Политика приняла совсѣмъ другое направленіе — если говорить штатскимъ языкомъ—а просто, переизмѣнилась вовсе. Прежде бывало такъ: святцами, вотъ я и поѣду къ сосѣду, у кого, по очереди, всѣ стѣха-

лись. Вхожу, расшаркаюсь, всѣмъ общій поклонъ, да и пошелъ къ ручкамъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ подходить, какъ сидятъ въ рядъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, да и какая мнѣ нужда, что она незнакома? Всѣмъ дѣлаешь честь и бережешься, чтобы не пропустить ни одной и тѣмъ безъ умысла не обидѣть. Иная, пріѣхавъ недавно, не успѣла теплыхъ перчатокъ снять; по ряду подойдешь къ ней: вотъ она хватъ-хватъ за перчатку, рука вспотѣла, пальцы отекли, перчатка не слѣзаетъ; ужъ она и зубами тащитъ, ужъ она рветъ ее, а перчатка, хоть ты что, такъ не лѣзетъ!—Видишь, что бѣдная барышня мучится, вся вспотѣла, отъ конфузій покраснѣла, какъ калина, сжалишься надъ нею, скажешь: — „Не безпокойтесь, сударыня! все равно, пожалуйста и такъ“. И хотя въ перчатку, да сдѣлаешь честь,—поцѣлуешь. Тутъ же, только тебя усадили за жирные пироги, изъ которыхъ сокъ такъ и течетъ отъ изобильной приправы масла и сметаны, вдругъ входитъ одна изъ дочерей ховайскихъ, или и чужая барышня, которой не было при моемъ пріѣздѣ, и я съ нею не видался (т. е. не подходилъ къ ея рукѣ), то я бросаю пирогъ, и, какъ салфетки при завтракѣ не бываетъ, обтираю свой замасленный и засметаненный ротъ носовымъ платкомъ, а если позабылъ его дома, то ладонью, и подхожу къ ручкѣ новопрішедшей барышни. Не дай Богъ кого пропустить! Тотчасъ прозовутъ гордымъ. Оно-таки и вѣжли-

во, политика того требуетъ: а теперь и политика измѣнилась!

Опредѣлился въ нашъ земскій судъ секретаремъ, изъ приказныхъ гражданской палаты, молодой человекъ, какъ бы ни было, губернской секретарь. Вотъ, какъ нужный человекъ, мы давай его приглашать. Въ первый съѣздъ, вотъ у Тимофея Васильевича... нѣтъ, лгу—у Петра Степановича—смотримъ: онъ входитъ... вѣдь то-то и жаль! Роста и фигуры порядочной, — немного прихрамываетъ, но въ бланжевыхъ нанковыхъ, широкихъ брюкахъ; жилетъ—изъ красной аладжи, въ бѣлой, хорошо собранной манишеѣ; блестящія перламутровыя на ней пуговицы и булавка съ изображеніемъ мухи — простой, но такъ натурально сдѣланной, словно вотъ живая прилетѣла и сѣла; сюртучекъ на немъ голубаго камлота, ловко сшитый, на распаху; по всему таки видно, что этотъ человекъ бывалъ въ губернскомъ городѣ въ лучшихъ обществахъ. Пожалуйте; къ чему это я его привелъ?.. Да! вотъ такой-то человекъ вошелъ въ наше общество, и... кивъ, кивъ головою на всѣ стороны и сѣлъ себѣ на первомъ попавшемся стулѣ, не давъ хозяину и припросить себя, чтобы сѣлъ. Не забудьте же что тутъ было дамъ и дѣвицъ слишкомъ около двадцати, и много ему уже знакомыхъ, а онъ ни къ одной не подошелъ... Ну, боюсь-же вамъ честию, что ни къ одной не подошелъ. Не вѣрите, спросите у тѣхъ, кто тамъ былъ, всѣ вамъ то же скажутъ. Такъ вотъ —

теперешняя политика въ губернскихъ городахъ! Что-жь? Этого мало. На него глядя, и наша вся молодежь по его слѣдамъ идетъ, и хотъ ты разрекомендуй, что это дескать моя жена, а это молъ мои дочери, ничего не бывало! Подойдетъ къ самому носу хозяйки, и видитъ же, что та сняла уже перчатку и, почитай, руку протянула: нѣтъ! Онъ кивнетъ головой—и вся такова!— Бѣдныя наши барышни! хотъ цѣлый день просиди въ перчаткахъ, никто не потревожитъ! Вотъ тебѣ и политика!

А обхождение?.. О! обхождение вывелось. Я на все буду вамъ — какъ выражается мой старшій внукъ — буду представлять факты. Обѣдалъ я въ губернскомъ городѣ у живущаго тамъ стариннаго моего пріяте-ля,—а, можетъ, и вы его знаете,—Осипа Дмитріевича. Что-жь? Во весь обѣдъ, хотъ бы онъ разъ всталъ, да обошелъ гостей, да припросилъ, чтобъ больше кушали и пили; и коли правду сказать, такъ и около себя сидящихъ не просилъ о томъ, самъ же кушалъ все исправно. Прежде же, когда, бывало, у него обѣдаютъ гости, такъ онъ не присядетъ, все обходить и все спрашиваетъ: „и это скушай, и того прибавь, и сего выпей“. Ну словомъ, изъ души преть, а онъ умаливаетъ, а онъ суетъ, а онъ подмадываетъ; за-кормить, бывало, и запить. Я, теперь сидя у него за обѣдомъ, надѣясь на прежнее обхождение, съ нѣ-которыми блюдами и рюмками пасовалъ, жду: вотъ хозяинъ встанетъ, подойдетъ, припроситъ... Не тутъ-

то было! — А оттого и всталъ съ порядочною проголодью. Впередъ таковъ не буду. Правиломъ поставилъ, что подають,—ѣмъ и пью, не ожидая просьбъ хозяйскихъ—и всегда доволенъ. Но, какъ необходимо приноравливаться къ обычаямъ свѣта, или — какъ говорятъ внуки мои—идти за вѣкомъ, то я, по совѣту съ женою, отмѣнилъ и у себя всякое обхожденіе. На насъ глядя, и у сосѣдей оно отмѣнено. Пошли новыя обычаи!

И съ нашихъ ли дней свѣтъ началъ измѣняться? Куда!.. Семьдесятъ лѣтъ живу на свѣтѣ, и сколько я видѣлъ переменъ! батюшки мои...

Какъ-то мы съ женою были въ разладѣ. Уединясь въ свой кабинетъ, я впалъ въ меланхолію и предался сравненіямъ, какъ бывало прежде, и какъ идетъ нынѣ, какъ обращались мой батенька съ маменькою, какъ онѣ были имъ послушны, и какъ, напротивъ, живу я, сынъ ихъ, съ своею женою, и уже не она мнѣ, а я ей послушенъ. Это завлекло меня въ глубь событій жизни моей; предавшись воспоминаніямъ и сравнивая прошедшее съ давно-прошедшимъ, а настоящее со всѣмъ вообще прошедшимъ, увидѣлъ большую разницу. Удивленіе мое подстрекнуло меня изложить все на бумагѣ, т. е. описать главнѣйшіе періоды жизни моей и любопытнѣйшіе эпохи или случаи, со мною встрѣчавшіеся. Пусть это будетъ старости въ наслажденіе, а юности въ наставленіе.

Начинаю съ начала, т. е. отъ самаго дѣтства моего.

У нашихъ батеньки и маменьки насъ, дѣтей, всего было: Потруся, Павлуся, Трофимко, Сидорушко, Офремушка, Егорушка и Сонька, Вѣрка, Надежда и Любка; шесть сынковъ-молодцовъ и четыре дочери— всего десять штукъ. Мы, сыновья, получили имена, по тогдашнему, по имени того дня, въ который рождались; а дочерей батенька желали имѣть по числу добродѣтелей и начали съ премудрости; были утѣшены, что уже, хотя въ супружеской ихъ жизни, явилась у нихъ любовь. Не смотря ни на что, маменька все увѣряли, что у нихъ долженъ быть еще сынъ; но когда батенька возражали на это, что уже и такъ довольно, и что не должно противъ природы идти, то маменька, не понимая ничего, потому что Россійской грамоты не знали, настаивали на своемъ и даже открыли, что онѣ видѣли видѣніе, что у нихъ будетъ—де сынъ и коего должно назвать Дмитрюшею. Батенька повѣрили было маменькиному видѣнію, но по шествиіи нѣсколькихъ недѣль, начали возражать, что маменькѣ явилось ложное видѣніе. Маменька плакали (онѣ были очень слезливы; чуть услышать что печальное, страшное или не по ихъ чувствамъ и волю, тотчасъ примутся въ слезы; такая была ихъ натура) и увѣряли, что точно должно быть у нихъ сыну, но батенька рѣшительно сказали: „это у тебя, душко, меланхолія!“ Такъ батенька называли меланхолію, которой приписывали всѣ несбыточныя затѣи. Тѣмъ и заключилось умноженіе нашего семейства къ пользѣ благосостоянія нашего.

Правду сказать, не всѣ сынки были молодцы: одинъ изъ насъ, Павлуся, былъ горбать отъ неприсмотра нянекъ, которыхъ за каждымъ изъ насъ было по двѣ, потому что батенька были богатый челоуѣкъ. Павлуся какъ-то оступился и упалъ съ крыльца, а крыльцо было высокое; съ него одинъ нашъ Сидорунка — о! да и проворная же былъ штука! — могъ только прыгать; слѣдовательно, можете посудить, какъ оно было высоко! Такъ вотъ съ этого-то крыльца Павлуся скатился внизъ и повредилъ себя. Няньки тогда не сказали маменькѣ, да уже на пятомъ году возраста его увидѣли, что у него горбъ растеть сзади. Досталось же тогда нянькамъ! Я думаю, что если онѣ живы еще, то и теперъ помнятъ благодарность батеньки и маменьки за присмотръ Павлуси.

Братъ Юрочка и сестра Любочка были у насъ послѣдніе. У всѣхъ насъ оспа была натуральная, и мы изъ руеъ ея вышли не вовсе изуродованными. Но у послѣднихъ брата и сестры оспа была прививная, о которой батенька прослышавъ, что она входитъ въ моду, захотѣли привить своимъ дѣтямъ. Для сего они приказали старому нашему Кондрату, который, по наслышкѣ, рвалъ зубы и оттого назывался „цѣлюрныкомъ“, такъ этому медику батенька, разтолковавши, какъ они объ оспѣ слышали, приказали ему привить. Маменька плакали, убивались и нѣсколько разъ хотѣли сомлѣть (что теперъ называется въ обморокъ упасть); однакожъ не сомлѣвали, а ушли въ другую

горницу и шепотомъ укоряли батеньку, что они тиранъ, живьемъ зарѣзываютъ дѣтей своихъ.

Батенька этого не слыхали, а если бы и слышали, то это бы ихъ не удержало. Они были очень благодарны и почитали, что никто и ничего умѣе ихъ не выдумаетъ; и маменька въ томъ соглашалась, но не во всякомъ случаѣ, какъ увидимъ далѣе.

Пожалуйте. Оспа пристала, да какая! Такъ отхлестала бѣдныхъ малютокъ и такъ изуродовала, что страшно было смотрѣть на нихъ. Маменька, когда увидѣли сихъ дѣтей своихъ, то, вздохнувши тяжело, покачали головою и сказали: — „А что мнѣ въ такихъ дѣтяхъ? хотъ брось ихъ! Вотъ уже трехъ монхъ рожденій выкидываю изъ моего сердца, хотя и они кровь моя. Какъ ихъ любить наравнѣ съ прочими дѣтьми! Пропали только мои труды и болѣзни!“ И маменька навсегда сдержали слово: Павлусю, Юрочку и Любочку онѣ никогда не любили за ихъ безобразіе.

Насъ воспитывали со всѣмъ стараніемъ и заботливостью и, правду сказать, не щадили ничего. Утромъ всегда уже была для насъ молочная каша или лапша въ молокѣ, или личница. Мясa по утромъ не давали, для здоровья, и хотя мы съ жадностью выдальсь въ оловяному блюду, въ коемъ была наша пища, и скоро уписывали все, но няньки подливали намъ снова и заставляли, часто съ толчками, чтобы мы еще ѣли,—потому, говорили онѣ, что маменька съ нихъ будутъ выскивать, когда дѣти мало покушали

изъ приготовленнаго. И мы, напужась и собравшись съ силами, еще ѣли до самаго не-льзя.

Послѣ завтрака насъ вели къ батенькѣ челомъ отдать, а потомъ, за тѣмъ же, къ маменькѣ. Какъ же маменька любила плотно позавтракать и всегда въ одиночку безъ батеньки, то мы и находили у ней либо блины, либо пироги, а въ постные дни пампушки или горофяники; маменька и удѣляли намъ порядочныя порціи и приказывали, чтобы тутъ же при нихъ съѣдать все, а не носиться съ пищею, какъ собака-де.

Отпустивши прочихъ дѣтей, маменька удерживала меня при себѣ и тутъ доставали изъ шкафика особую, приготовленную отлично, порцію блиновъ или пироговъ съ изобиліемъ масла, сметаны и т. п. славностей. „Покушай, душею-Трушко (Трофимушка) — приговаривали маменька, глядя меня по головѣ: — старшіе больше ѣдятъ и тебѣ мало достается“. Управившись съ этимъ, я получалъ отъ маменьки либо яблочко, либо какую нибудь сладость на зауску и всегда съ приказаніемъ:— „съѣшь тутъ, не показывай братьямъ; тѣ, головорѣзы, отнимутъ все у тебя“. Такое отличіе вразумило меня, что я маменькинъ „пестунчикъ“ (любимецъ), что и подтвердилось потомъ. Но за что я попалъ въ такую честь, хоть убейте меня, не знаю. Видно по маменькиной комплекціи.

Отдавши челомъ батенькѣ и маменькѣ, насъ высылали въ садъ пробѣгаться. Дворовые ребятинки насъ ожидали—и начиналась потѣха. Бѣгали въ запуски,

лазили по деревьямъ, ломали вѣтви, и, когда были на нихъ плоды, хотя бы еще только зародыши, то мы тутъ же ихъ объѣдали: разоряли птичьи гнѣзда, а особливо воробьиныя. Птенцамъ ихъ тутъ же открывали головки, да и старымъ, когда излавливали, не было пощады. Насъ такъ и наставляли: маменька не одинъ разъ намъ изъясняли, что воробей между птицами тоже, что жидъ между людьми, и потому щадить ихъ не должно. Маменька хотъ и не грамотная были, но имѣли отличную память: и въ старости не забывали исторій, слышанныхъ ими въ дѣтствѣ.

Среди такихъ невинныхъ игръ и забавъ насъ зовутъ объѣдать. Это всегда бывало къ полудню. Борщъ съ кормленною птицею, чудеснѣйшій, саломъ свинымъ заправленный и сметаню забѣленный—прелесть? Такихъ борщей я уже не нахожу нигдѣ. Я, по счастью моему, былъ въ Петербургѣ—не изъ тщеславія хвалюсь этимъ, а къ рѣчи пришлось — объѣдалъ у порядочныхъ людей и даже объѣдывалъ въ Лондонѣ, да не въ томъ Лондонѣ, что есть въ самой Англіи городъ, а просто большой домъ, не знаю почему Лондономъ называемый, такъ я и тамъ объѣдывалъ: духа такого борща не видалъ. Гдѣ ты, святая старина!

Къ борщу подавали намъ по большому куску пшенной каши, облитой коровьимъ масломъ. Потомъ мясо изъ борща разрѣжетъ тебѣ нянька кусочками на деревянной тарелкѣ и сверху еще присолить крупною, невымытою солью — тогда еще была натура; такъ и